

Я ПРИШЛА к Ольге Константиновне Кожуховой, когда она разбирала читательскую почту и была прямо-таки в затруднении: что делать с таким количеством писем? Едва в конце прошлого года появилось в печати продолжение ее дневника «Рано утром и поздно вечером», как посыпались отклики, порой самые неожиданные.

Чем же вызвана такая читательская активность?

Дневник «Рано утром и поздно вечером» — это собрание очень коротких, иногда всего в 10—15 строк, невымышленных историй, эссе, миниатюр о самых разных жизненных явлениях. О том, о чем думается рано утром, что не дает уснуть поздно вечером, — о пережитом, увиденном, тревожащем душу. Например, о незабываемом чувстве солдатского братства, когда незнакомого тебе люди, и лиц-то которых от усталости не в силах разглядеть, накормят, обогреют, уступят лучшее место на нарах и будут «тихо, сердечно, боясь шевельнуться, терпеливо оберегать твой сон». Или размышление о счастье мирных дней — и горькая мысль, какой ценой оно оплачено. Воспоминание, как о самом лучшем в жизни, о серых зарослях бузины в красных кистях, о доме среди елей с огромными окнами и маленькой комнаткой, где был написан за несколько дней «Донник». О двух полюсах человеческих отношений, которые выражаются словами «да» и «нет»: всегда ли мы осознаем, произносим одно из них, что распоряжаемся чьей-то жизнью, чьим-то счастьем, ведаем ли о последствиях своего решения? Заметки о литературе, книгах, творчестве. Жанровые сцены. Картины природы.

Впрочем, не буду пытаться передать содержание «Дневника» — у каждой из сотни миниатюр своя тема, свой законченный сюжет, который в пересказе теряет всю свою прелесть, как японские трехстишия. Невозможно для примера и процитировать одну из записей: только воспринимая их все вместе, в единстве, почувствуешь «вкус» «Дневника», потому что при всем разнообразии тем, настроений есть нечто, какой-то главный нерв, что связывает все в один узел. Это раздумья о сути и смысле жизни, о нравственных связях человека с человеком, с прошлым и будущим, об ответственности перед окружающими тебя людьми, перед миром. О возвышающем душу чувстве общности с народом, страной.

Вот это-то точное попадание в эпицентр нравственных проблем, которые занимают умы современников, а также предельная искренность, полемическая заостренность «Дневника», очевидно, и вызвали у читателей ответный отклик. Вот строки из некоторых писем.

«Я воспринимаю «Дневник» как книгу о доброте че-

ловеческой. Она тревожит совесть, заставляет думать, переживать, сочувствовать и, наверное, самому быть чище, сочувливее» (А. Хамидулин из Алма-Аты).

«Вы сумели о человеке сказать так много, что в большой книге не скажете. Будто в душу мою глубоко заглянули» (В. Воронов из Чебоксар).

«Ваше слово подкупает неравнодушием. Оно зримо, за ним видишь человека» (Ю. Баклагин, Псков).

«Как правдива и сурова ваша публикация в «Огоньке» (часть «Дневника», связанная с 40-летием битвы под Москвой, была опубликована в «Огоньке» и называлась

только меня — давно тревожит. Ради размышлений над этими проблемами в общем-то ведь и задуман дневник «Рано утром и поздно вечером». Мне кажутся неприятнее всего в людях накопительство и стяжательство, разделение — дружеское, семейное, соседское, общественное и духовное — и общение на единственной ниве: «где купить и почему». Но ведь не все живут так, есть люди и совершенно бескорыстные, добрые, готовые прийти на помощь, поэтому самым страшным сегодня мне видится желание в человеке иной раз казаться внешне совсем не тем, чем он является на самом деле. Ведь

мир, созерцать картинные галереи Флоренции и Рима, но все это для себя, для себя. «И чем в конечном итоге все это интеллигентнее созерцания буддийским монахом собственного пупа, если добытые таким путем познания, пережитые чувства не отдаются никому, если сознание собственного превосходства над другими, темными, невежественными, не улучшило душу, а сделало ее еще более черстовой?.. Да ведь это же потерянное время — холить себя и свой мозг, насыщая его без конца разнообразными впечатлениями, и не думать о ближнем! Не страдать за него, не пытаться помочь».

причины и следствия. Вы приняли боевое крещение под Москвой, когда все было обострено до предела. Какие истины открыли вы тогда для себя, что поразило вас больше всего?

— Не знаю, кому как, но мне лично в дни наступления под Москвой, наверное, ничего не удалось уяснить для себя. Слишком велика была усталость, слишком велико напряжение всех сил, физических и душевных, а главное, мы были слишком молоды и на многое смотрели «из-под руки». Это только потом, в минуты отдыха, отойдя на «дистанцию», я начала кое-что обобщать и осмысливать. Особенно помогли мне книги

ный, и воинский, мы обязаны передать поколениям во всей его правде, не изменяя ей ни в чем, не подправляя, не подкрашивая. Со всей ответственностью перед папшинами и перед теми, кто придет на смену нам.

— Чувство ответственности выступает у вас как основополагающая нравственная категория при оценке всякого поступка, будь он частный, касающийся своих, близких, или затрагивающий интересы наши общие. Этим чувством пронизаны и ваши размышления, очень острые, полемичные, о разумном и бережном отношении к природе. Для вас, дочери агронома, эта тема, конечно, особенно близка.

— Когда-то мне хотелось пошутить, и я сформулировала свою мысль так: человек — царь природы. Не пора ли свергнуть и этого царя?

Боюсь, что моя шутка кое-где превратилась в трагическую правду.

Да, я дочь агронома, селекционера, агролесомелиоратора, ученика Вильямса, сестра двух других агрономов в нашей семье. Многие наиболее важные вопросы отношения человека с природой у нас решались в семье «не по моде», а по совести, по уму, по здравому рассудку. Когда стали бороться с травоядными, отец был уже тяжело болен. И пришел к нему человек, возглавляющий большое хозяйство, спросил: «Что же делать?» И отец мой ответил: «Сейте травы на семена. Пройдет время, к вам весь край зайвится на поклон, хоть за горсточкой». Так оно и случилось. Тот глава хозяйства нахватал выговоров и разносов за семена трав, а потом действительно не только из своего края, но и из других краев шли к нему на поклон: «Продайте семян...»

Мне кажется, что, отвергая все старое, мы избыточно самонадеянны: уж, мол, если мы новы и образованны, то в природе понимаем только мы. Это ложная, трагическая позиция.

Мое убеждение: если знаешь всю правду, то делай по совести. Если нет ни правды, ни совести, соберись с духом — иди домой и дела не касайся. Пусть делом займутся те, у кого найдется совесть.

— В одном из писем человек, трагически запутавшийся в жизни, спрашивает вас: что такое счастье? Я понимаю, что на этот вопрос так вот просто, в нескольких словах не ответишь, что над ним веками билась и бьется вся мировая литература. И все-таки что думаете о счастье вы — человек, так много повидавший в жизни?

— Действительно, вряд ли так вот сразу ответишь на эти вопросы. Единственное, что я бы сказала: счастье — это мыслить самому, иметь возможность самому решать для себя свои собственные проблемы.

Н. ЛОШКАРЕВА.

Фото В. Савостьянова [ТАСС].

С Г Л А З У НА Г Л А З

Ольгу Кожухову читатели хорошо знают по ее роману «Ранний снег», повестям «Фонарики, плывущие по реке», «Ночные птицы», «Двум смертям не бывать», рассказам, в которых писательница по-своему, ярко, с гордостью и болью поведала о героических и суровых годах войны, о судьбе своих свер-

иногда и бескорыстие вдруг оказывается глубоко корыстным. И желание «быть добрым» идет вовсе не от доброты. И желание помочь бывает с далеко идущим взглядом вперед... Иной человек, нравственно и духовно ничтожный, хочет предстать перед нами совершенно иным, какой-то жар-птицей. Все на нем с иголочки, все отменно красивое, модное, залобуешься, да и только. А помотришь на его поступки, послушаешь его высказывания — мороз по коже. Сегодня из престижных амбиций очень многие становятся так называемыми «книголюбями» и скупают собрания сочинений вовсе не для того, чтобы прочитать или хотя бы перелистать их. Вовсе нет, а из желания казаться (опять же «казаться») непременно образованным, то есть теперь уже не только «дубленочкой», но еще и книжной жар-птицей!

«Казаться» легко, а «быть» тяжело. Поэтому некоторые люди, наверное, и выбирают путь «протопантаний и легше». Стремление жить полегче, по-моему, и есть главный корень мещанства.

ЧИТАТЕЛИ обратили внимание на очень верно подмеченную писательницей деталь: в какие бы одежды ни рядился обыватель, какие бы поступки ни совершил, внешне вполне благопристойные, задайся вопросом, что им движет, во имя чего все это, и откроется его сущность: все только для себя. Нынешний мещанин и книги может не только на полку ставить, но и читать, быть эрудитом, обездичить туристом весь

Мне кажется, столь внимательный взгляд на окружающее, стремление определить истинную цену словам и поступкам людским объясняется не только особым «писательским зрением», но и тем, что Ольга Кожухова прошла войну и хорошо знает, какой ценой досталось это величайшее благо — мир. Ее последний школьный день совпал с первым днем войны. И студентка Воронежского университета уходит на фронт медсестрой. Затем становится политруком, за бои под Москвой первая и потому самая дорогая награда — медаль «За боевые заслуги», которую вручил М. И. Калинин. На ее фронтовых дорогах, что навсегда врезались в память, — и горечь отступления, и смерть товарищей, с которой не примириться никогда, и вступление в партию в самом тяжелом сорок втором. И деревушка, где ее вынесли из огня бездыханной чьи-то заботливые руки. И великая радость Победы. Поэтому, о чем бы ни писала О. Кожухова, багровый отсвет войны присутствует в ее произведениях, добавляя им еще один план, еще одно измерение.

«За каждой вашей строкой, — пишет москвичка В. Котова, — слышится мне как наказ: какое же это счастье — жизнь! Так расправляйся, человек, его достойно. Будь разумным хозяином нашей земли, просоленной от слез, кровью защитников политой».

— Говорят, человек прозревает в минуты больших потрясений. На грани жизни и смерти ему открывается сущность вещей и явлений, обнажаются

мемуаров, воспоминания подководцев, документальные книги и встречи с бойцами, однополчанами, поездки на места боев. Как выяснилось, моя память, хотя и задавленная в те давние годы бессонницей, голодом и усталостью, почти все сохранила в деталях. И вот приезжаешь в село — и вдруг вспыхивает, как под прожектором, все, что было.

Поразило же меня в эти дни великое долготерпение советского солдата, его умение выносить большие лишения, его широта и беззаветность духа, его чувство ответственности перед Родиной, перед самим собой — это тоже немаловажное чувство, чувство собственного достоинства — и, наконец, чувство ответственности перед семьей, которая или страдает под гнетом оккупации, или же ждет возвращения своего отца, брата или сына непременно победителем, а не предателем и не дезертиром.

В минуты опасности познаешь и самого себя. И сам себе удивляешься: вот, оказывается, я каков! Случалось, измотан до предела и физически, и душевно, ситуация трагическая, кругом смерть, и никакой возможности предотвратить неизбежное. Но вдруг в человеке появляются особые силы, о которых и не подозревал, третье дыхание бойца. Возникает такое чувство, что если не выдержишь, не выдержишь — все погибнет. На тебе держится вся страна. И сознание этого сильнее, кажется, самой смерти. И ты держишься. Вот эти минуты озарения запомнились больше всего.

Тот великий опыт, и духов-